

ДОКУМЕНТЫ И ФАКТЫ

© 1993 г., ЭО, № 1

В. И. Фрейдзон

СЕРБЫ И ХОРВАТЫ

(исторические корни конфликта)

Сказать, что причины какой-либо политической драмы коренятся в истории, было бы трюизмом. Но в рассматриваемом случае эта история крайне сложна (как и вся история Балканского полуострова). Уже перечень факторов, определивших корни нынешнего конфликта, свидетельствует об этом: географическое размещение народов, условия формирования хорватской и сербской наций (языковая и религиозная проблемы в особенности), многовековое турецкое, венецианское и австрийское господство над разными странами Юго-Восточной Европы, наложившее отпечаток на социальную структуру, культуру, общественные и политические связи, самосознание и традиции народов, наконец, фактическое национальное неравноправие в Югославии.

В XIV—XV вв. под ударами турецкого (османского) нашествия пали средневековые Болгарское и Сербское государства. Ввиду угрозы поглощения Османской империей, христианские народы Центральной Европы, несмотря на взаимные конфликты, постепенно сплотились под властью австрийской династии Габсбургов (королевства Чехия и Венгрия вместе с вошедшей в ее состав еще в XII в. на началах автономии Хорватией).

В конце XVII в. после долгих австро-турецких войн стабилизировалась граница между Турцией и Австрией по р. Сава. Основная масса сербского народа попала под османское иго. Только крошечная Черногория (часть сербского народа) продолжала борьбу и в XVIII в. упрочила свою независимость. До начала XIX в. сохранилась и маленькая славянская торговая республика Дубровник (Рагуза).

В связи с наступлением османов сотни тысяч православных сербов в XVI—XVII веках переселялись в австрийские владения, главным образом в Хорватию и южную Венгрию, опустошенные войнами. Православные священники уносили с собой древние рукописи и иконы. Основные на территории государства Габсбургов сербские монастыри стали очагами сербской национальной православной культуры. Эта исключительная роль церкви в развитии национальной традиции сохранялась до второй половины XVIII в., когда вместе с богатым торговым сословием в Австрийской державе стала развиваться сербская светская культура¹.

Но в умах народа история прочно соединила, даже отождествила, понятия «серб» и «православный», и еще в середине XIX в. сербские крестьяне в Боснии спрашивали русского ученого-слависта А. Ф. Гильфердинга, «не серб ли он» (зная, что он из России), т. е. имели в виду его религиозную принадлежность!

Массовая сербская миграция в ранее сугубо католическую Хорватию² к исходу средневековья привела к нарушению этнической и религиозной однородности населения. Так, в конце XIX в. в собственно Хорватии и Славонии сербы составляли $\frac{1}{4}$, а в Далмации — около $\frac{1}{5}$ части населения (в настоящее время, точнее до начала современного вооруженного конфликта, в Хорватии проживало 600 тыс. сербов, или 11% жителей). В населении некоторых районов сербы преобладали. Сербское купечество, ремесленники и представители других групп населения жили в столице Хорватии Загребе и многих городах этой страны.

Социальная структура хорватского и сербского народов в Хорватии существенно различалась: у хорватов имелось дворянство, поэтому в Хорватии сохранились представительные политические учреждения (сабор и областные собрания), которые до революции 1848 г. имели сословный характер, глава хорватской администрации (бан). Сербы же пользовались церковно-школьной экстерриториальной автономией, дарованной им как переселенцам австрийским монархом в конце XVII в.

Со второй половины XVIII в. с развитием товарного хозяйства и появлением буржуазии (сначала торговой и лишь много позднее промышленной и аграрной) в Хорватии стали развиваться национально-интеграционные процессы, т. е. начала формироваться хорватская нация, наступила эпоха национального возрождения³. Эти процессы протекали в неблагоприятных условиях. Прежде всего хорватские земли на протяжении веков были раздроблены. До конца XVIII в. Далмация и часть Истрии принадлежали Венецианской республике (позднее подчинялись непосредственно Вене, тогда как собственно Хорватия и Славония входили в состав Венгрии). На южном рубеже Австрийского государства, занимая полосу от Адриатики до Дуная (весь юг Хорватии и Славонии), существовала Военная граница — область военнообязанного населения (хорваты и сербы), созданная австрийцами в основном в XVII в. для отражения турецких набегов. Военная граница подчинялась придворному военному совету (хофкригсрат) в Вене и только в 1881 г. ее часть, прилегавшая к хорватским землям, была воссоединена с Хорватией⁴. Но на территории хорватско-славонской Военной границы до половины населения составляли сербы и их роль в политической жизни Хорватии с этого времени возросла. Наконец, сотни тысяч югославян-католиков, среди которых в XIX в. распространялось хорватское национальное самосознание, находились в Боснии и Герцеговине (об этих провинциях речь пойдет ниже) под властью Османской империи (до 1878 г.).

Следствием вековой раздробленности было то, что общего этнического самосознания у массы югославянского католического населения не было. Поэтому в эпоху национального возрождения интеллигенция наиболее развитой хорватской территории — собственно Хорватии (этого ядра хорватской нации) прилагала усилия для поддержания процесса развития хорватского национального самосознания в разных хорватских землях. При этом принципами идеологии хорватского национального движения стали: естественное право народа на объединение и — что очень важно для хорватов — «историческое государственное право», декларируемое право хорватов на политическую автономию и на земли, входившие в состав средневекового Хорватского государства⁵.

Другим неблагоприятным обстоятельством было отсутствие единого хорватского литературного языка. Так, хорватское (католическое) население в Славонии и Далмации говорило на том же штокавском диалекте, что и сербский народ в разных землях и в самой Сербии, а в собственно Хорватии, включая Загреб, — на диалекте, близком к словенскому языку. Деятели хорватского национального возрождения — Людевит Гай и др. — решили эту проблему в 30-х годах XIX в., приняв в качестве литературного язык Славонии, Боснии и других земель, где совместно жили хорваты и сербы⁶. Тем самым был сделан важный шаг вперед в процессе национальной консолидации хорватов, а вместе с тем и к созданию общего литературного языка хорватов и сербов (сербскохорватский или хорватскохорватский язык). Это способствовало культурному сближению между двумя народами, но при том расширило почву для необоснованной теории «единого югославянского народа».

Стремясь сплотить в нацию и в одном государстве все население хорватских земель, хорватские национальные деятели встретились с препятствием — развивавшимся сербским национальным самосознанием, которое опиралось на традиции былой сербской государственности, народную культуру, православие. Мощный импульс сербскому самосознанию дали народные восстания против османской власти в Белградском пашалыке (1804, 1815 гг.). Возникшее при этом Сербское

княжество стало притягательным центром для всех сербов, иначе говоря, ядром сербской нации. Таким образом, в XIX в. объединительными центрами стали для хорватов Загреб, для сербов — Белград. А поскольку, в силу уже известных обстоятельств, на значительных территориях, в том числе в Хорватии, единопольные хорваты и сербы проживали совместно или чересполосно, то между обеими столицами постепенно создавалось напряжение: речь шла о том, чье влияние возобладает на этих территориях.

Решающим для самоотнесения того или иного югославянина к сербскому или хорватскому народу явилась религиозная принадлежность: католики постепенно стали считать себя хорватами, православные — сербами⁷. Пропаганда идеи единого народа, основанная на общности языка, не имела успеха. Не действовал даже пример немцев и других народов (венгров, словаков), которым разные религии — католичество и протестантство — не помешали сплотиться. У сербов и хорватов историко-культурные различия, связанные с католицизмом (с культурной ориентацией на Запад) и православием, различия, наложенные на разные политические традиции и интересы, оказались сильнее.

Вообще наличие обширных областей с разным по этнической принадлежности населением — характерная черта региона Юго-Восточной Европы. Таковы, в особенности в прошлом, не только сербско-хорватские, но и греко-болгарские, болгаро-сербские, албанско-сербские и иные области. В ряде этих областей имелись и другие меньшинства (немцы, турки и др.). И повсюду идеологи национальных движений стремились включить такие области (или зоны) в состав своего государства, даже если «свой» народ там не составлял большинства. Эти принципы были сформулированы в Греции, Болгарии, Сербии, Хорватии, Румынии как «великогреческая», «великоболгарская», «великосербская», «великохорватская» и т. п. идеи.

Но хорватско-сербский спор из-за зоны со смешанным населением был особенно трудным потому, что все это население пользовалось одним литературным языком и говорило на очень близких диалектах. В территорию своего народа можно было включать всю страну расселения другого народа!

В числе территорий смешанной зоны важнейшей была Босния (с Герцеговиной), — сердцевина Югославского государства после 1918 г. Можно себе представить Югославию без Словении, но без Боснии нет Югославии.

После захвата Боснии турками в XV в. часть феодалов-христиан перешла в ислам, другая была истреблена. Ислам приняло также много славянских крестьян. По этническому самосознанию и социальной структуре исламизированные босняки стали резко отличаться от живших рядом с ними христиан (райя) — православных и католиков. Так возник особый югославянский этнос, который позднее (в условиях австрийской власти, 1878—1918 гг.) стал называть себя мусульманским народом. Боснийские мусульмане говорят на сербскохорватском языке и даже во время османской власти очень немногие из них знали турецкий язык⁸. В начале XX в. в Боснии и Герцеговине насчитывалось примерно 800 тыс. сербов, 600 тыс. мусульман и 400 тыс. католиков — в основном хорватов (хотя имелись и представители других католических народов Австро-Венгрии). Сейчас соотношение численности этих народов в Боснии иное — более $\frac{2}{5}$ составляют мусульмане, до $\frac{1}{3}$ — сербы, около $\frac{1}{5}$ — хорваты.

В XIX—XX вв. Белград и Загреб стремились привлечь на свою сторону боснийских мусульман, по возможности ассимилировать их, так как легко подсчитать, что вместе с ними либо сербы, либо хорваты имели бы в Боснии большинство. Но результаты ассимиляции (протекавшей в среде интеллигенции) не были значительными.

В сербском обществе абсолютно преобладала великосербская идеология. Проанализировав содержание школьных учебников, изданных в конце XIX — начале XX в., американский славист Чарлз Елавич показал, что в этом духе воспитывались дети с ранних лет⁹. Для среднего серба то, что Босния — сербская земля, являлось фактом, не требующим размышления. Аналогичные претензии

на Боснию предьявляло крайнее национально-радикальное (великохорватское) крыло хорватов — «партия хорватского государственного права» (праваша). Ее лидер и идеолог А. Стáрчевич выдвинул идею полностью суверенной Хорватии «от Македонии до Германии» (т. е. до немецких областей Австрии, иначе говоря, с включением сербских, мусульманских и словенских земель)¹⁰. Идея национального суверенитета стала важной частью национальной идеологии хорватов — вплоть до современного поколения, но, естественно, она могла быть реализована в иных территориальных рамках.

Исходя из широко распространенной в XIX в. теории, что национальная принадлежность определяется языком, крайние националисты с обеих сторон называли все югославянское единоплеменное население (т. е. всех южных славян, кроме болгар, а иногда и словенцев) либо сербским, либо хорватским народом, и отказывались признать самобытность и права другого народа. Крайние национальные идеологи у сербов претендовали на всю Хорватию, а у хорватов — на Сербию. Сербские либерально-демократические деятели, такие, как Светозар Милетич (1826—1901) утверждали, что Хорватию населяют два народа или «племена» с общим будущим, таким образом оставляя надежду на компромисс между ними. Но признать Хорватию, Славонию и Далмацию хорватской страной отказывались и сторонники Милетича¹¹.

В Хорватии либеральные круги (народняки), возглавляемые католическим епископом Йосипом Штросмайером (1815—1905) и историком Франьо Рачким (1828—1894), говоря о едином «государственном народе» в Хорватии, вместе с тем признавали наличие сербского народа или «племена» в хорватских землях, свободу развития сербской культуры, проповедовали хорватско-сербское сотрудничество, но при условии признания сербами Хорватии территориальной целостности хорватских земель¹². Таким образом, эта народняцкая группировка, хотя и мечтала о постепенном слиянии хорватов и сербов в единый «югославянский народ» (так называемые югослависты), также оставляла почву для хорватско-сербского компромисса. В пору кризиса Австрийской империи в 60-х годах XIX в. и образования дуалистической Австро-Венгрии (1867 г.) хорватские народняки, глубоко огорченные политикой Вены и Пешта и неудачей своих планов федерализации монархии Габсбургов, сотрудничали с правительством Сербии с целью создания объединенного югославянского государства на основах федерации. Именно в это время идея независимой Югославии впервые получила более значительную общественную поддержку. Тогда же хорватский сабор признал сербов Хорватии «народом равноправным и тождественным» хорватскому¹³.

Позднее, в 1874 г., в кругах хорватских народняков была сформулирована программа, которая наилучшим образом выразила содержание их югославизма: «конечной целью общих национальных устремлений хорватов, сербов, болгар и словенцев должно быть их объединение в независимое и свободное национальное и государственное сообщество» при равноправии «во всяком смысле и во всем отдельных племен, составляющих южное славянство. Государственная самостоятельность и автономные права отдельных южнославянских земель должны остаться абсолютно неприкосновенными и зависеть от свободной воли той части народа, которая пользуется этой самостоятельностью и этими правами»¹⁴. Как видно, авторы программы стремились сочетать представления о едином народе — южных славянах — с требованием равноправия его частей («племен»). Югославизм получил особое распространение в Хорватии именно ввиду наличия там сербского меньшинства. В связи с этим характерно, что в Хорватии сербы (как меньшинство) с подозрением относились к теории единого народа, но в масштабах Балканского полуострова, будучи более многочисленным народом, чем хорваты, сербы, вернее, сербские идеологи, поддерживали эту теорию (причем в великосербском смысле). Срыву хорватско-сербского сотрудничества, впрочем, весьма неустойчивого, способствовала оккупация Габсбургами Боснии и Герцеговины (1878 г.) — это был удар по надеждам как сербов, так и мусульман (последние добивались широкой автономии в пределах Османской империи),

тогда как хорватская (и словенская) буржуазия в подавляющем большинстве поддержала оккупацию, надеясь на присоединение провинций к Хорватии¹⁵.

Важным, хотя и несколько скрытым, источником современного конфликта является историческое (насчитывающее более полутора веков) стремление Сербии получить свободный выход к морю для обеспечения своей торговли. В XIX — начале XX в. с этим были связаны планы присоединения тогда османского порта Салоники или занятия северной Албании. Той же цели служили идеи сербско-болгарского и сербско-греческого союза¹⁶. В 1912 г., во время Балканских войн, сербские войска вышли к Адриатике в северной Албании, но под давлением Австро-Венгрии покинули этот район. Возникновение Югославии в 1918 г. сняло проблему, так как в состав нового государства вошла хорватская Далмация с адриатическими портами. Отделение Хорватии в 1991 г. возродило старую для Сербии проблему, — отсюда, кстати, недавняя попытка захватить хорватские приморские города Дубровник и Задар.

Внутри- и внешнеполитический кризис Австро-Венгрии в начале XX в. усилил борьбу центробежных (югославистских) и центростремительных (прогабсбургских) сил в Хорватии. Тогда произошло новое сближение хорватских и сербских либеральных кругов, возникла «хорватско-сербская коалиция» с югославистской тенденцией (1905 г.)¹⁶. При этом (как и ранее) сербские и хорватские политики, которые стремились к сотрудничеству, осознавали наличие национальных противоречий, но не сосредоточивали на них внимание, отодвигая их в тень.

Среди радикальной (экстремистской) молодежи получила хождение теория единого «троименного» (сербско-хорватско-словенского) народа, так называемый «интегральный югославизм». Этой нежизненной теории отдала дань и социал-демократия: она надеялась таким путем преодолеть национальные противоречия в южнославянской среде¹⁷. Но в либерально-буржуазных кругах Хорватии преобладали идеи южнославянского федерализма. В мелкобуржуазной же массе, включая крестьянство, югославизм вообще был мало распространен.

В ходе Балканских войн 1912—1913 гг. Сербия значительно упрочилась, но при этом занятие сербами районов с преобладающим албанским населением и большей части Македонии создало новые узлы национально-политических конфликтов. Тогда в Хорватии четко выявились возникшие ранее противоречия внутри самого хорватского общества: часть хорватов (югослависты) с энтузиазмом приветствовала успехи Сербии, другая — почувствовала в них нарастание опасности и ориентировалась на поддержку Габсбургов¹⁸. Во время мировой войны 1914—1918 гг. Сербия и Хорватия (как часть Австро-Венгрии) находились в противоположных лагерях.

Но вот отгремели революции 1917 г. в России, в конце 1918 г. потерпела военный крах Австро-Венгрия. В этих условиях хорватские (и словенские) национально-политические группировки оказались меж двух огней: во-первых, свои широкие экспансионистские планы относительно хорватских и словенских земель пыталась осуществить Италия, во-вторых, в Хорватии развернулось крестьянское повстанческое движение против помещиков и местных властей. Поэтому большинство хорватских авторитетных деятелей, фактически отказавшись от проектов югославянской федерации, пошли на уступку Белграду и поспешили укрыться под защиту сербской монархии Карагеоргиевичей и сербской армии. Возникшее 1 декабря 1918 г. новое государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), как до 1929 г. называлась Югославия, — было централистской монархией, которая опиралась прежде всего на великосербские круги и генералитет. Интересы других народов ущемлялись. Это вызвало перманентный политический кризис Югославии, раздиравшейся социальными и национальными противоречиями. После провозглашения Королевства СХС хорваты обнаружили, что венец мечтаний ряда поколений национальных деятелей — создание объединенного югославян-

* Но идеи Балканской конфедерации (сербы, румыны, греки, болгары) диктовались не только экономическими интересами: союз народов Юго-Восточной Европы должен был обеспечить их свободу и международно-политические позиции перед лицом великих держав.

ского государства — в действительности означал утрату традиционных элементов хорватской государственности, растворение Хорватии в югославском монархическом государстве. Главной силой федералистской и демократической оппозиции стала массовая Хорватская крестьянская партия во главе со Степаном Радичем.

Кризис достиг апогея в 1928 г. после того, как на заседании парламента в Радича и других хорватских депутатов стрелял черногорский (сербский) националист. Гибель Радича вызвала бурю возмущения. 6 января 1929 г. король Александр отменил конституцию, запретил все партии, имеющие «национальную или религиозную» окраску, и установил режим личной диктатуры. В качестве обоснования этого переворота была использована «теория единого югославского народа», тем самым окончательно себя дискредитировавшая.

С установлением нацистского режима в Германии (1933 г.) в Хорватии активизировались профашистские элементы, использовавшие неспособность режима смягчить национальные противоречия. Крайняя националистическая группировка («усташи», т. е. повстанцы), ранее связанная с Италией, теперь возлагала надежды на Гитлера. После германо-итальянской оккупации Югославии (май 1941 г.) нацисты создали так называемое Независимое государство Хорватию, в которое была включена и Босния с Герцеговиной. Усташи подвергли сербское население геноциду — погибла масса невинных людей. С другой стороны, сербские националисты создали отряды «четников», убивавших хорватов. Конец этой длительной трагедии наступил в результате побед антигитлеровской коалиции и успехов Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) во главе с Йосипом Броз Тито. В состав НОАЮ входили представители всех народов Югославии. Это временно сплотило их.

Но фактически в послевоенной коммунистической федеративной Югославии, несмотря на девиз «братство — единство» равноправных республик, основная власть сосредоточилась в руках сербской бюрократии и генералитета. Пока сохранялась абсолютная власть Тито, национальные противоречия были загнаны внутрь общественной жизни. С постепенной же эрозией режима они вновь дали о себе знать. Однако на этот раз движение в Хорватии, как во времена Радича, приняло либеральный республиканский характер, и раздававшиеся в Югославии голоса, будто сербам в Хорватии вновь грозит геноцид, не имели оснований и лишь способствовали усилению напряженности в хорватско-сербских отношениях. К сожалению, с обеих сторон не проявилось достаточного стремления к переговорам и достижению компромисса.

История показала, что идея общего югославянского государства, в условиях чужденационального господства казавшаяся средством радикального решения национальных и социальных задач, наряду с определенным реальным прогрессивным содержанием (которое нельзя игнорировать, но это особая проблема) несла в себе очень много романтического. В действительности югославское государство (1918—1941, 1945—1990 гг.) явилось этапом на пути создания ряда суверенных государств в Юго-Восточной Европе.

Примечания

¹ См.: *Историја народа Југославије*. Књ друга. Београд, 1960. С. 763—772, 1043—1128; *Поповић Д. Ј.* Срби у Војводини. Књ друга. Нови Сад, 1959.

² Хорватия состоит из ряда исторических земель — собственно Хорватия (область Загреба), восточнее которой находится Славония (города Осиек и др.), вдоль побережья Адриатического моря — Далмация и Дубровник, большая часть полуострова Истрия и некоторые другие районы.

³ *Лещиловская И. И.* Иллиризм: К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.

⁴ *Vojna Krajina. Poviesni Pregled — Historiografija — Rasprave*. Zagreb, 1984; *Valentić М.* *Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom*. 1849—1881. Zagreb, 1981.

⁵ *Крстић В.* *Историја Срба у Хрватској и Славонији 1848—1914*. Београд, 1991. С. 265—575.

⁶ *Толстой Н. И.* Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков // *Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе*. М., 1981. С. 129. В 1850 г. ряд ученых —

хорватов и сербов приняли резолюцию о едином литературном языке «единого народа». Текст см.: *Novak V. Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva*. Beograd, 1930. S. 183—186.

⁷ Фрейдзон В. И. О формировании нации в хорватских землях//Советское славяноведение. 1969. № 4.

⁸ Фрейдзон В. И. К истории боснийско-мусульманского этноса//Формирование наций... С. 329—343.

⁹ *Jelavich Ch. South Slav Nationalism: Textbooks and Yugoslav Union before 1914*. Columbus, 1990. P. 61—243.

¹⁰ *Starčević M. Dr. Ante Starčević i Srbi*. Zagreb, 1936; *Gross M. Povijest pravaške ideologije*. Zagreb, 1973.

¹¹ *Милетић С. Изабрани чланци*. Нови Сад, 1939. С. 171—195.

¹² *Šidak J., Gross M., Karaman I., Šepić D. Povijest hrvatskog naroda. 1860—1914*. Zagreb, 1968. S. 34.

¹³ Фрейдзон В. И. Борьба хорватского народа за национальную свободу. М., 1970. С. 126.

¹⁴ *Milutinović K. Prvi idelozii federalističke misli kod južnih Slavena//Rad Jugoslavenske akademije*. 1962. Knj. 330. S. 122—123.

¹⁵ Данные об экономической заинтересованности купечества Хорватии в австрийской оккупации Боснии см.: *Pavličević D. Odras bosansko-hercegovačkog ustanka 1875—1878 na gospodarske prilike u Hrvatskoj//Časopis za suvremenu povijest [Zagreb]*. 1971. № 1. S. 91—100.

¹⁶ О хорватско-сербском сближении в начале XX в. см.: *Gross M. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije*. Beograd, 1960; *Horvat J. Supilo. Život jednog hrvatskog političara*. Zagreb, 1938.

¹⁷ *Istorijski arhiv Komunističke partije Jugoslavije*. T. IV. Beograd, 1950. S. 138.

¹⁸ *Šidak J., Gross M. i dr. Op. cit.* S. 273—288.

Serbs and Croats: Historic Roots of the Present Conflict

The author examines a complicated process of nation-formation among Serbs and Croats who have been living jointly and intermixed on large territories. Bosnia and Herzegovina is also populated by the South Slav groups, including the Muslims, who have been formed during the Ottoman rule in the 15—19 centuries. All three peoples share the same language. In the 19—beginning of the 20 centuries the Yugoslav Union romantic tendencies (liberal federalist and radical extremist) confronted the Great Serb and the Great Croat ideas. Yugoslavia, both in its form of the centralized monarchy (1918—1941) and of the communist federation (1945—1990) was only a stage in the process of building the sovereign states in South-Eastern Europe.

V. I. Freidson